

О ЧЁМ ПРОМОЛЧАЛИ ЛЬВЫ

Рассекреченные документы «дела Щеколдина»

ДВА ТОМА ЭТОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА ВЕСЯТ КИЛОГРАММА ПОЛТОРА – В НИХ БОЛЬШЕ ШЕСТИСОТ ЛИСТОВ. ДОПРОСЫ, СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ, ПРОТОКОЛЫ ОЧНЫХ СТАВОК, ПРИОБЩЁННЫЕ СПРАВКИ, ВЫПИСКИ. И ВСЁ – ОБ ОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ.

Степан Григорьевич Щеколдин, ставший во время оккупации Крыма директором Воронцовского дворца-музея, выйдя на свободу, успел написать книгу «О чем молчат львы». Свою версию событий того времени.

О Щеколдине снято три документальных фильма. Правда, у тех, кто делал фильмы, не было возможности ознакомиться с двумя томами уголовного дела, отдельные документы из которого недавно рассекретили.

«ВСЕГДА АПЛОДИРОВАЛИ»

«Довожу до вашего сведения, что бывший директор дворца Воронцова Щеколдин Степан Григорьевич во время пребывания немцев в Алушке предал немцам Радченко Сергея, работавшего экскурсоводом... Кроме того, Щеколдин скрывал 7 дней до прихода немцев от Красной Армии бывшего начальника полиции Алушки Близникова. Продавал музейные вещи...». Этот «сигнал» в милицию поступил 3 мая 1944 года от жительницы Алушки Ирины Калашниковой.

На следующий день сорокалетний Степан Щеколдин был задержан.

... Он увидел впервые Алупку в 1937 году. Побывал во дворце-музее, и влюбился в него. Экономист по специальности, Щеколдин не один месяц искал возможность устроиться туда на работу, и в 1938 году появилось место экскурсовода.

Вот что рассказывала свидетель Екатерина Калашникова, уборщица дворца-музея и сестра автора «сигнала в органы»: «Никто из экскурсоводов так не интересовался старинными вещами, которые имелись в музее, как Щеколдин. Экскурсии у него... проходили хорошо, всегда с аплодисментами от посетителей».

Валентин Кинеловский тоже был экскурсоводом. Но внештатным. Работал дольше Щеколдина, приятели к нему не испытывал. Случай свести счёты появился в 1940 году. Степан Григорьевич высказал своё мнение о концерте Ялтинской филармонии. И даже написал туда: мол, вместо музыки Дунаевского и Блантера лучше бы сыграли Чайковского. А вот это уже можно было подать, как нападки на советскую культуру. Щеколдина с должности уволили. Сам он подозревал, что закорюшкой этой истории стал Кинеловский.

Щеколдин устроился бухгалтером в пекарню, но то и дело приходил во дворец. В 1941 году Степан Григорьевич снова был принят на работу.

Когда началась война, крымские музеи стали готовить ценности к эвакуации. Щеколдин — он был освобождён от призыва в армию по состоянию здоровья, в этих сборах очень помог. 144 ящика — книги, фарфор, картины, были подготовлены к

Документы из дела бывшего директора музея недавно были рассекречены.

вывозу, и 43 из них отправлены в Ялтинский порт.

История о спасении Алушкинского дворца от уничтожения до сих пор известна была только по версии самого Щеколдина. Директор музея уехал в эвакуацию, штат распущен. За дворцом присматривают три человека. В одном из корпусов дворца расквартирован истребительный батальон. Вдруг подъезжает грузовик со взрывчаткой, и Щеколдин решил, что дворец будут взрывать. Он позвал на помощь нескольких человек из истребительного батальона. Машину выдворили вон.

Позже, как сам вспоминал Щеколдин, он побывал в горисполкоме, и услышал от председателя Бекира Чолаха: «Жди моего распоряжения по телефону: возьми керосин, обожги все подвалы и подожжешь».

ЩЕКОЛДИН ВСПОМИНАЛ, ЧТО ДАЖЕ ОСМЕЛИЛСЯ ПОСПОРИТЬ С НЕМЕЦКИМ ГЕНЕРАЛОМ, КОТОРЫЙ РЕШИЛ ВЫВЕЗТИ ПОНРАВИВШИХСЯ ЕМУ МРАМОРНЫХ ЛЬВОВ. И ЗА ЭТО ДАЖЕ ПОПАЛ В ТЮРЬМУ. НО ЭТУ ИСТОРИЮ ПОЧЕМУ-ТО НИКТО НЕ ПОДТВЕРДИЛ.

Но вот показания того самого Бекира Чолаха из уголовного дела:

«Указаний взорвать или поджечь дворец-музей я никому из работников дворца-музея не давал. Если Щеколдин показывал об этом, то говорит неправду».

А Иван Юрин, руководивший пограничной командатурой, следователю сообщил:

«При оставлении Ялты мы подожгли только нефтебазу. Никаких указаний об уничтожении каких-либо гражданских объектов в Ялте и Алушке, да и в других местах, не было».

В эти последние октябрьские дни 1941-го до своих городов и сёл добирались солдаты из разгромленной на Перекопе 51-й армии. Дошёл до Алушки и бывший кладовщик Алушкинского дворца Дмитрий Близников.

Со Щеколдиным он был в хороших отношениях. Дмитрий Близников стал начальником полиции в Алушке. И Щеколдин часто навещал его не только на работе, но и дома. А Близников по-приятельски заходил в гости.

ЗДЕСЬ БЫЛ ГИММЛЕР

Щеколдин, как и другие крымчане, понятия не имел, надолго ли пришли фашисты, каковы их планы насчёт дворца. Он из Ялтинского порта вернул во дворец ящики с экспонатами дворца, семь из них — в основном, фарфор, были полностью разграблены.

Пригласил во дворец двух смотрительниц, принял на работу двух 16-летних юношей: Николая Минакова и Амди Усеинова.

Музей заработал. Но только для немецких и румынских солдат и офицеров.

В уголовном деле целая коллекция выданных Щеколдину немецких удостоверений.

Предал ли он кого? О судьбе бывшего сотрудника музея Радченко, уверял Щеколдин, не имел представления. Зато в оккупации оказался другой бывший сослуживец — «недоброжелатель» Кинеловский. Между прочим, полуеврей. Мог же «герр профессор» шепнуть словечко кому надо — и нет человека. Но Щеколдин этого не сделал.

Расхищал ли, как указано в доносе, музейные ценности?

Вот протокол обыска в квартире Щеколдина, указана обстановка: кресла, стул, стол, напольные часы, умывальник, эмалированные кувшины, ведра, кастрюля, ковровые дорожки, одна фарфоровая ваза, фотобумага... Никаких картин, тарелок из графского сервиза и прочей дворцовой роскоши.

А ему предлагали наладить торговлю антиквариатом — тот же Близников добывал в Алушке старинные вещи и переправлял в Симферополь.

«Я прятал в течение этих двух с половиной лет целых два по-тайных фонда (библиотечной башни и так называемой «железной комнаты») с единственными в СССР экземплярами редких рукописей, картин, книг, гравюр, карт, планов, чертежей, многочисленными портретами руководителей партии и Советского правительства», — так описывал то время сам Степан Щеколдин. И это правда — содержимое тайников он по описи передал сразу после освобождения Крыма.

Щеколдин вспоминал, что даже осмелился поспорить с немецким генералом, который решил вывезти понравившихся ему мраморных львов, украшавших террасу дворца. И за это даже попал в тюрьму. Но эту историю почему-то никто не подтвердил. А из мраморных львов свидетели плохие...

ТРИ ВЕРСИИ

1944 год. Апрель. Наступает Красная Армия, немцы отходят. И директор музея снова спасает дворец. По его версии, ночью 13 апреля к дворцу подъехала машина, из неё солдаты выгрузили снаряды, уложив

по фасаду дворца. Директор и двое парней-помощников перетаскивали их в парк. И когда подъехал другой грузовик с солдатами, снарядов они не нашли.

Вот показания одного из тех парней, Николая Минакова: «Ни немцы, ни румыны никакой попытки к уничтожению дворца не делали, никакой взрывчатки во дворец не закладывали... Числа 10 или 12 апреля 1944 года не помню кто из работников дворца-музея обнаружил в куче артиллерийские снаряды в количестве 15-20 штук. Лежали они не на территории дворца, а в парке. Эти снаряды, очевидно, были просто брошены убежавшими немцами или румынами».

Но другой помощник, Амди Усеинов, рассказывал всё иначе:

«Щеколдин мне сказал, что немцы заминировали правое крыло дома-музея... Я и Щеколдин через подвал музея пришли к правому крылу здания и там в подвале обнаружили много ящиков со взрывчаткой. Там ещё лежали ящики со снарядами. Общее количество было примерно 2-3 тонны... Здесь мы обнаружили натянутые провода... Мы все трое ночью перенесли все эти ящики со взрывчаткой, переубили все протянутые там провода».

...Степан Щеколдин вышел на свободу в 1954 году, отбыв в колонии 9 лет, 9 месяцев и 13 дней. Через три года предпринял первую попытку реабилитации.

Стоит сказать, тогда следователи проделали огромную работу, нашли и опросили всех 17 свидетелей, проходивших по делу. Если их показания и изменились, что только в сторону: «не могу точно припомнить». Щеколдину в восстановлении честного имени было отказано. Вторую попытку он предпринял в 60-х. И снова безуспешно. Добиться реабилитации удалось в 1991 году.

В Алупку он приехал уже в конце 50-х. И потом, выйдя на пенсию, снова и снова возвращался. Общался с сотрудниками музея, и... писал в вышестоящие инстанции о замеченных непорядках в фондах и экспозиции.

На письмо Азы Пальчиковой, заместителя директора дворца-музея, Щеколдин ответил: «Для чего я хлопочу о дворце-музее? Зачем я уже второй год, с того времени, как ушёл на пенсию, трачу все свои силы, всё своё свободное время и все свои скромные сбережения на поездки в Москву и Алупку?.. Из 45 лет моей трудовой деятельности, только семь лет, с 1937 по 1944 гг., были счастливыми в моей жизни — работа во дворце-музее».

«Дело Щеколдина» — из тех, когда мотивы и поступки человека можно трактовать с разных позиций. Правду где-то посередине. Правду знают, наверное, только мраморные львы.

Наталья ДРЁМОВА

Автор благодарит за помощь и сотрудничество Управление ФСБ России по Республике Крым и городу Севастополю.